

протоиерей Сергей Петровский

Молокане, или «духовные христиане» священник Сергей Петровский

Чтение, предложенное прот. С.В. Петровским в собрании Кружка ревнителей Православия и молящихся в помещении церкви старых зданий Одесской духовной семинарии.

Вероисповедание молокан, напечатанное в Женеве, рассказывает следующее об их происхождении.

В царствование Иоанна Васильевича Грозного был вызван ко двору, в Москву, из Англии какой-то лекарь, на которого по духу тогдашнего времени и дикости народа смотрели в столице, как на антихриста, называли его проклятым и запирали от него ворота и дома. Фамилия этого лекаря забыта. По какому-то случаю он познакомился с бывшим тогда при дворе богатым и знатным тамбовским помещиком, бывал у него и много толковал о Библии, иметь которую в то время в России никому не позволялось. У помещика этого был любимым слугой смысленый и ученый человек, некто Матвей Семенов, который понял библейскую истину скорее своего барина и вскоре после того пренебрег обрядами греко-русской Церкви и поклонением иконам, достал славянскую Библию и начал внушать своим близким истину о поклонении Богу в духе. Но в те времена было очень опасно и даже почти совсем невозможно говорить что-либо против обрядов. Поэтому, как только отпадение Матвея от Церкви стало известно, его тотчас же схватили и по приговору уголовного суда колесовали. Некоторые из его учеников, крестьяне тамбовского помещика, вернувшись с барином на родину, в Тамбов, тоже стали с помощью привезенной ими славянской Библии, тихонько проповедовать «поклонение Богу в духе и истине»... Учению их последовало значительное число простого народа по разным селам и деревням; самые же учителя по тогдашней строгости и власти духовенства скоро были открыты, отданы под суд и иные жестоко наказаны кнутом, иные сосланы навсегда в каторжные работы.

Я не буду разбирать эту легенду со стороны ее исторической достоверности. Самый факт, сообщаемый Женевским вероисповеданием молокан, может быть проверен только при помощи архивных дел времен Грозного; но едва ли такие дела до нас дошли. Что касается

заключительных слов сказания о бдительности духовной власти Тамбова, которая по тогдашней строгости будто бы отправила первых апостолов молоканства на каторгу, то последующее изложение исторических данных докажет вам, что слова эти ложны и я думаю, что, при сопоставлении их с известием о колесовании Матвея Семенова, они представляют лишь попытку окружить первых проповедников молоканства заманчивым ореолом мученичества.

Достоверные сведения о происхождении и начале молоканства рисуют такую картину. С древнейших времен, с 12-го столетия, сущность различных религиозных брожений в России составляли склонность к критике церковных обрядов и писаний, попытки найти своим умом такие точки зрения на дело спасения, которые отличались бы от принятых Церковью, стремление к одухотворению Церкви и т.п. Таким характером, таким духом критицизма отмечены учение стригольников, волновавшее Новгород и Псков в конце XIV в., учение жидовствующих, охватившее в конце XV столетия Новгородскую область и потом занесенное в Москву; учение Феодосия Косого и Башкина, распространившееся в Белоруссии и Витебске во второй половине XVI века; наконец, учение московского лекаря Тверитинова, современного Петру I. Если мы познакомимся ближе с учением этих русских рационалистов, или, по крайней мере, самого позднейшего из них – Тверитинова, то мы получим ключ к объяснению фактического появления молокан в России, как религиозного общества, которое с 18 века начало группироваться по разным губерниям и соединяться в разные толки.

Вот что достоверно известно о Тверитинове. Он жил в Москве в такую пору, когда религиозный ум народа, под влиянием протестантизма, совершенно расшатался. Не опасаясь, поэтому, никого и не стесняясь ничем, Тверитинов смеялся над Православием, как и где только мог... Просил ли больной у медика рецепта от глазной или зубной боли, лекарь иронически и со смехом советовал ему сделать серебряный глазок или зубок и приложить, к образу св. Ипатия, или Антипия чудотворца. Заставал ли он пациента за чтением церковной книги, – непременно спрашивал, есть ли у него Библия. Если получал в ответ, что Библия есть, то говорил: «незачем тебе и тратить время на чтение других книг; в Библии найдешь все нужное для спасения». Случалось ли ему обедать в постный день с людьми, строго соблюдавшими посты, он тотчас же начинал говорить, что посты соблюдать незачем, так как они предание человеческое. Приходил ли в квартиру Тверитинова какой-нибудь посетитель, вместо иконы он видел на стене раскрашенный лист, на

котором было написано: «Аз есмь Господь Бог твой... Не сотвори себе кумира...» и проч. На другом листе было написано множество текстов, приводимых лютеранами против православных догматов. Удобных же случаев для сближения с русскими людьми у Тверитинова было множество, потому что звание врача и обширная практика давали ему возможность сближаться со всеми классами общества, с аристократами и духовными, с торговыми людьми и крестьянами. В его доме происходили собрания, на которых рационалисты, не стесняясь, раскрывали свои отрицательные воззрения. И кто знает, может быть, ученики из купцов и торговцев овощного ряда, еще при жизни Тверитинова, разнесли его учение по селам и городам России. «Ныне у нас, в Москве, – говорил Тверитинов, – вольно всякому: кто какую веру выберет, такую и верует» и он преспокойно раздавал народу тетрадки, исписанные текстами Свящ. Писания, с изложением веры по духу Библии. Такие тетрадки, нет сомнения, и послужили потом обрядниками нашим деревенским рационалистам, получившим впоследствии название молокан. Ученик Тверитинова осмелился даже называть иконы болванами; свечи от них отнимал и курил табак, а иконам говорил: «стойте, так лучше!...»

Чему же Тверитинов учил? Прежде всего, он отвергал поклонение иконам. «Поклоняться иконам не подобает, – говорил он, – ибо нигде того в Библии ни в Ветхом Завете, ни в Новом не написано». Свое учение о непочитании икон Тверитинов подтверждал Свящ. Писанием и соображениями разума. Из Свящ. Писания он приводил все места, которыми запрещалось многобожие и идолопоклонство, особенно часто ссылаясь на две первые заповеди десятословия; точь-в-точь, как у наших молокан, об иконопочитании у Тверитинова были сведены там же места Свящ. Писания в одно целое, и также главная ссылка была на две заповеди десятословия. Соображения от разума против поклонения иконам Тверитинов и его последователи приводили следующие: «что Богу подобает кланяться духом; что икона только доска, и что, если икону бросить в огонь, она сгорит». Те же фразы точь-в-точь повторяются молоканами при формальных допросах и при изложении их учения. И это естественно, так как тетрадки, раздаваемые Тверитиновым, были снабжены текстами и заметками, которые сохранились у молокан и доселе. Тверитинов и его последователи отвергали учение о почитании Креста Господня. «Кресту кланяться не подобает, – говорил Тверитинов, – понеже древо бездушное не имеет никакой силы... Как то древо может любит Бог, понеже на нем распят Сын Его»? Эту же фразу повторяют и молокане точь-в-точь, как показывают постоянно их показания.

Тверитинов отвергал догмат о почитании мощей. Он и его ученики отрицали учение о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христа Спасителя в Таинстве Причащения. Тверитинов отвергал догмат о призывании угодников Божиих. Прежде всего, он и его единомышленники подвергали сомнению святость многих святых, признаваемых Православной Церковью. Особенно эти рационалисты вооружались против св. Николая Чудотворца, может быть потому, что народ особенно его почитал. Они называли его «мужиком деревенским», «простецом», и говорили, что «оставя-де Бога, люди его почитают». Отрицая вообще законность и правильность канонизации святых на том основании, что «с Богом никто в беседе де не был и что святым и грешным указу еще нет до Страшного Суда», – московские рационалисты отвергали нужду и пользу молитвенного призывания Богоматери и святых и по другим основаниям. «Бог и Сын, – говорили они, – всех святых милостивее и заступников Себе никаких не требует... Един – наш ходатаи – Христос и того ради неподобает нам призывати и имети иных ходатаев и просити их во всяком деле о помощи». Далее Тверитинов, как и его ученики, отрицали учение о частном блаженстве душ святых до всеобщего суда Христова и утверждали, что святые не могут знать наших молитв, так как «до дня всеобщего воскресения пребывают нечувственны, в состоянии подобном сну». Подобным образом еретики отвергали учение Церкви и о поминовении и молитве за умерших. «Поминовение по умершим не пользует», – говорил Тверитинов; «кто что сотворил в жизни, то ему и будет», и ссылался в подтверждение своей мысли на слова Апостола: «кийждо примет мзду по труду своему». – «Это поминовение выдумали попы своего ради прибытку», – твердил он, – «а иного свидетельства нигде нет, чтобы польза была от поминовения, что творится после смерти». Эту же фразу, что «поминовение выдумали попы ради своей пользы», целиком повторяют и молокане, как это видно из их показаний на следствиях. Признавая Библию единственным источником веры, Тверитинов и его последователи отвергали Предание, как самостоятельный источник христианского вероучения. «Вы твердость свою полагаете на Вселенские Соборы, – говорил Тверитинов, сербскому монаху Петру Семляничу, – а есть люди, которые свою веру и заповеди содержат от Самого Христа Спасителя из Евангелия и Апостола, и вам со своими соборами нечего будет говорить против их правды. «Ученик его Михаил Косой дерзко называл святоотеческие творения старческими бреднями». В таком же роде отзывались рационалисты и о святых постах. Устно и в своих тетрадах Тверитинов нападал на церковный суд, говорил против наказания

еретиков и о том, что «клясти не подобает никого-же». – «Я и сам церковь», – заявлял он, отвергая значение церковного авторитета, во имя личного непосредственного отношения каждого христианина ко Христу. Эту же фразу целиком повторяют и современные молокане. О таинстве священства Тверитинов выразался, что «оно сделано», а не произошло от повелений Божиих. Точно также и монашество, по словам Тверитинова, произошло от «умышления старческого».

Таким образом, русский рационализм XVIII века, с которым мы знакомимся в лице Тверитинова и его учеников, почти во всем сходен с учением молокан. А так как ересь Тверитинова считается по нашим церковным историям последней крупной и открытой рационалистической ересью, возбудившей против себя соборное преследование и после ее мы находим рационализм уже переселившимся в степи, села и деревни широкой России, где он начал жить и развиваться тайно и явно среди простых крестьян; – то мы с этого времени и позволяем себе производить фактическое проявление молокан, как религиозного общества, которое стало группироваться по разным губерниям и соединяться в разные толки. Нет сомнения, что изложение всего учения Тверитинова в тетрадках и было причиной того, что оно не пропало бесследно, быстро разнеслось по народу во все концы России, не укорачиваемое и не искажаемое, как это бывает при всякой устной пропаганде. Сличая тексты молоканских обрядников с текстом тетрадей Тверитинова, мы ясно можем видеть, что первые целиком взяты из последних. Отсюда сами собой возникают данные к окончательному решению вопроса о происхождении молокан, как религиозного общества, уже формировавшегося в XVIII столетии.

– Московский розыск по делу еретика Тверитинова, конечно, разогнал его перепуганных учеников и последователей. Без сомнения в это время они с тетрадами в руках, испещренными текстами Свящ. Писания, разнесли молоканство по нижегородскому и костромскому Заволжью; явились в окрестностях Ростова великого и особенно прочно осели в Тамбовской губернии. От 1708 года сохранилось известие, что святитель Димитрий Ростовский в самом Ростове уже встретил, «молокана, посадского человека Трофима, который беседовал с ним лютеранским и кальвинским духом о Свящ. Писании» («Розыск», стр. 67). Когда в 1765 г., строгими мерами начальства в Тамбове открыта была секта молокан, на допросах выяснилось, что молоканство принято тамбовцами «от предков», т.е. от дедов; значит, начало молоканства и в Тамбовской губернии восходит к самым первым годам XVIII века, когда последователи Тверитинова разносили его по разным губерниям. В эту пору, можно

думать, мелкие учителя, называемые обычно «ересеначальниками», усердно вербовали «духовных христиан» по разным губерниям. Опасаться какого-либо противодействия со стороны духовной власти, или бояться наказания, им было нечего по самому духу того времени. Достаточно вспомнить в какое неловкое положение ставил Православную Церковь пред напором религиозных идей запада уже Петр Великий. Лефорт, друг Императора, выносил на своих плечах всех немцев, живших тогда в России и их пропаганду. В царствование Анны Иоанновны, Бирон, Миних и Остерман до того ревностно содействовали распространению в России протестантства, что не позволяли даже поднимать против него голос пастырям русской церкви... На это горько жаловались православные проповедники Амвросий Юшкевич, Димитрий Сеченов, Кирилл Флоринский, но жаловались не прежде, как в царствование Елизаветы Петровны, так как тайная канцелярия до того времени налагала на их язык печать молчания... Тогда, по свидетельству Сеченова, было великое гонение на защитников Православия, на весь духовный чин. Архиереев, священников, монахов мучили, казнили и расстригали; постоянные почты развозили и водой и сухим путем монахов, священников и благочестивых людей в дальние сибирские города: в Охотск, Камчатку, Оренбург. Прилив лютеранского учения в Россию с XVIII столетия был так велик, что, соединясь с бывшим дотоле в России своемыслием, оно распространилось по всем слоям общества. Исповедников религиозного рационализма уже не смели называть «еретикам», как звали до того времени, а еще менее судить на соборах. Не трудно понять, что в это благоприятное время сотни пропагандистов разнесли новое учение по многим губерниям России и дали прочное основание молоканству. Местным епископам было не до борьбы с разливавшимся рационализмом, так как в эту пору самого Киевского митрополита Варлаама Вонатовича за то только, что он издал без разрешения цензуры, не нравившееся правительству, сочинение «Камень веры», призвали в тайную канцелярию, лишили сана и отправили в Белозерский монастырь; а Феофилакту Лопатинскому ни за что, ни про что строго допрашивали в той же канцелярии по первым трем государственным пунктам, три месяца тайно держали под стражей, поднимали три раза на дыбу, столько же раз наказывали батогами без рубахи и, наконец, объявив лишенным сана и монашества, заперли в Петропавловскую крепость. В Петербурге, в Москве и по губерниям, на видных местах были протестанты, из-за которых как высшее, так и низшее духовенство не смело поднять голос против, развивавшегося без удержу, религиозного рационализма. И не один Феофилакт Лопатинский умер

страдальцем за противодействие лютеранству и ревность о Православии... Такие же, как он, ревнители Православия, – Сильвестр Казанский был отрешен от должности 3 декабря 1731 г., Лев, епископ Воронежский, лишен сана в 1730 г., Георгий Дашков, архиепископ Ростовский и Игнатий Смола, епископ Коломенский в 1730 г. лишены сана; Иларион Черниговский отставлен от должности в 1730 г.; Варлаам Псковский в 1739 году и т.д. Чтобы унижить духовенство, противодействовавшее введению лютеранства в России и лишить его доверия и уважения в глазах народа, Бирон в 1736 году истребовал повеление отдать в военную службу всех детей духовного звания, за исключением малолетних и учащихся, отдать туда же причетников и церковников; вследствие чего до сентября 1737 года и было отдано в солдаты духовных лиц 6557; в 1737 году был сделан второй набор в том же роде, причем забирали всех в возрасте от 15 до 40 лет. Таким образом, в 1739 году в одних четырех епархиях оказалось недостающих духовных только лиц около 1300 человек. Во многих церквях не было ни священников, ни дьяконов, и выбор было делать не из кого; храмы стояли запертыми. Петр III в свое царствование обнаружил тоже особенное пристрастие к немцам и лютеранству, так что Екатерина II в своем манифесте объявила Православную Церковь «крайне подверженной опасности переменою древнего в России Православия и принятием иноверного закона». Но при всем своем покровительстве Православию, Екатерина II не могла уничтожить посеянного так щедро рационализма. Инквизицию она не признала приличной для России и объявила свободу вероисповедания. Таким образом, весь XVIII век, сперва покровительствовавший лютеранству, а во второй половине освященный официальной веротерпимостью давал полную возможность молоканству развиваться в форме отдельных религиозных общин.

Едва ли в эту первую пору своего развития и распространения среди простого народа рационализм везде был известен под одним общим именем. Есть указания XVIII века, что сектантов, величавших себя «духовными христианами», в иных местах называли «щельниками» на том основании, что они молятся вместо храмов в пустой избе, оборотясь к стене и смотря в щель; а в других местах «фармазонами», – словом очень бранным в то время в устах простого народа, который имел превратное мнение о франмасонских русских обществах. Правительство считало молокан «иконоборцами» в виду того, что они не почитали икон и не держали их в домах своих. Наконец, название «молокан» дано сектантам народом потому, что они не соблюдают установленных Церковью постов, едят в постные дни скромное и главным образом молоко, как продукт

наиболее употребительный в крестьянском быту; от народа это название перешло и в официальную судебную практику, так что еще в 1765 г. Тамбовская духовная консистория в своем донесении Свят. Синоду назвала местную секту «Молоканией» за отрицание постов и употребление молока по средам и пятницам.

Особенно пышный расцвет молоканства в течение XVIII столетия наблюдается среди населения Тамбовской губернии.

Тут, в 40 и 50 гг. «трудился» над объединением моршанских молокан Семен Уклеин со своими 70 учениками. Здесь составлена была первая, довольно полная система молоканского вероучения из 25 пунктов; тут же, в Тамбове, около 1765 г. произошло торжественное по обстановке, хотя и печальное по своим следствиям, выступление молоканства: окруженный 70 учениками, Уклеин с пением псалмов вступил в губернский город для проповедования нового учения... Отсюда, – из окрестностей Тамбова, тот же Уклеин распространил молоканство по Воронежской и Саратовской губерниям, где еще при жизни имел до 5000 последователей; ездил с миссионерской целью в Екатеринослав, Астрахань, на Кавказ и на Дон... В тамбовских же пределах впервые, как потом в воронежских и саратовских, явились первые молоканские молитвенные дома, организовано внешнее богослужение и молитвословие, заведено хорошее хоровое пение, перелажались на лучине напевы простонародных песен псалмы и т.п. Делу распространения молоканства после Уклеина усердно помогали его ученики, новые проповедники-прозелиты, вроде Семена Швецова, который, пользуясь своими широкими средствами, не боялся ходатайствовать перед правительством за молокан; Афанасия Никитина, проповедь которого имела огромный успех в Спасском уезде; бойкого и бывалого человека Войвина, признанного Синодом за «ересиарха»; удельного крестьянина Васильева, Володина, Лысых и друг.

Самый принцип молоканства, завещанный Уклеиным, был таков, что носил в себе зародыш живучести и распространения. По учению Уклеина, истинного крещения и истинного причащения сподобляется только тот, кто познал учение Христово, так как духовное крещение есть крещение учения, а причащение – вкушение Божия глагола; значит, чтобы креститься духовно и быть причастником Христа и Духа Святаго, надо непременно читать и изучать Священное Писание. Молоканство, таким образом, настойчиво заставляло своих последователей учиться грамоте и изучать Библию. С другой стороны, оно возбуждало страсть к учительству: всякий, новообращенный молоканин, выучивший наизусть несколько стихов Свящ. Писания, считал себя в праве их толковать и внушать своим

слушателям спасительное «духовное учение». Нельзя при этом забывать, что, подобно Уклеину, называвшему себя «сыном Православной Церкви», все молокане скрывались под личиной Православия, ходили в церковь, исповедовались, приобщались, принимали к себе духовенство, держали в домах иконы и наружно исполняли все обряды, оправдывая все это, по заповеди Уклеина, тем, что наружное богослужение без сердечного расположения не вменяется в грех. Ясное дело, что такие принципы обезоруживали и правительство и духовенство.

Наконец, отмечая поразительно-быстрый рост молоканства в Тамбовской губернии, его широкую пропаганду среди простого народа, даже среди сельского духовенства, его распространение по губерниям, соприкасавшимся с Тамбовской, надо принять во внимание и то, кому прозелиты молоканства проповедовали свое учение и какими местными условиями обеспечивался их успех.

Если даже оставить в стороне необычайно выгодное для успеха пропаганды молоканских идей географическое и государственное положение Тамбовского края в 18 столетии, в силу которого оказывается, что молоканство началось и формировалось здесь в такую пору, когда этот край был вдали от правительственных центров, служил обширным притоном разных воровских шаек, занят населением, в общем враждебно относившимся к законной власти; если не придавать большего значения тому, что борисоглебский уезд – место родины и первоначального формирования молоканства, в первую половину 18 века представлял обширные пустопорожные места и перелески, лишь кое-где занятые населением, среди которого было немало иностранцев-лютеран; а уезды: кирсановский, липецкий, темниковский и особенно шацкий располагали элементами для тревожного состояния умов, так как здесь население было возбуждено, независимо от крепостничества, тяжелой рекрутской повинностью; если, повторяю, оставить в стороне все эти обстоятельства, безусловно имевшие свое влияние на развитие и успех молоканства, то все же остаются в силе плачевное положение церковных и религиозных дел Тамбовского края в 18 столетии, полная бездеятельность и униженность его православного духовенства, наконец, вред мероприятий, примененных духовным начальством к молоканам и к молоканству при первых с ним столкновениях.

Всмотримся ближе в эти последние обстоятельства, насколько они связаны с вопросом об условиях, обеспечивавших развитие и процветание Тамбовского молоканства в половине 18 века.

Архиерейская кафедра в Тамбове была открыта еще в 1662 г. Но

размеры епархии были настолько велики, что высшая духовная власть не могла не только влиять успешно на дела народной совести, но даже и устроить сносно быт духовенства. К этому надо прибавить, что выбор и деятельность первых тамбовских архиереев были далеко не из удачных. Епископ Леонтий (первый из тамбовских) напр. совсем не видал своей паствы, так как все время прожил в Москве. Епископ Питирим (1685–1698 г.) отличался лишь неутомимым усердием к богослужению, которое каждодневно сам совершал, или слушал, и при таком усердии, естественно, не имел времени просвещать народ живым словом проповеди христианства и привлекать отшатнувшихся в сторону. Третий епископ Игнатий сам был уличен в соучастии с раскольниками и отправлен Императором Петром I в ссылку, так что после него тамбовская епархия целых 59 лет оставалась без епископа.

Правда, епархией полвека управлял, если не юридически, то фактически «духовный приказ», с подчиненными ему «поповскими старостами», теперешними благочинными, но все это управление сводилось в конце концов к собиранию рублей, алтын и денег. О религиозном образовании народа, о наблюдении за проповеданием слова Божия по церквам в инструкциях «приказа» нет и помину. А между тем население Тамбовской епархии требовало совсем иной деятельности и от своего духовенства, и от церковной власти. Ее наполняли и новообращенные в христианство силой власти татары, и язычники-мещера и мордва, и донские казаки – люди издревле вольного духа, особенно пытливые в делах веры, и вольные люди разных званий и вероисповеданий. Одних татар в 1797 г. в Тамбовской епархии насчитывалось до 25.000; сколько же, спрашивается, было в ней христианского населения к началу 18 века? Надо ли говорить, что Тамбовская епархия была в это время скудна до крайности храмами, церковным благолепием и вообще всем тем, чем питается религиозное благочестивое чувство. При таком состоянии церковных и религиозных дел в стране полудикой, местами лесистой, местами пустынной, мало населенной, беспрепятственно появились сперва старообрядцы, потом скопцы, за ними хлысты, наконец молокане. Таким образом, Уклеину, Швецову и другим из ранних проповедников молоканства благоприятствовали многие обстоятельства и они могли свободно заставить простых людей принять его.

Не изменилось к лучшему состояние церковных и религиозных дел Тамбовского края и во второй половине 18 столетия... Не только не изменилось к лучшему, даже стало еще плачевнее. За 60 почти лет

отсутствия наличной епископской власти, народ совсем отвык от мысли, что есть носитель высокого священного сана – архиерей; епархия не имела законов для руководства при решении дел; духовенство погрязло в совершенном невежестве. К тому же явился набор с духовенства, которое тем самым уравнивалось с крестьянством и проигрывало последнее значение в глазах народа... Уклеин и Швецов сравнивались в правах со всяким духовным лицом, и значит на было причины, почему не признавать учение Уклеина лучшим, чем учение православных священников, особенно когда учение первого больше совпадало с настроением народа, льстило ему и даже было более выгодно в материальном отношении... Тогдашний тамбовский епископ Пахомий, чтобы избавить некоторых из духовенства от солдатчины, отпускал их в податное сословие, а других просто дарил помещикам. Часто можно было видеть, как консисторские служители везут в кандалах опозоренных духовных лиц, везут в виду всего народа, помещают в тюремный консисторский дом, или провожают в воеводскую канцелярию, для зачисления в податное сословие. Суд епископский был в это время ниже всякого суда людского; епископу никто не мог приносить никакого оправдания; им не принимались никакие объяснения. Понятно, как низко должен был при таких условиях стоять сан епископский в глазах народа. Произвол, жестокое, противохристианское обращение с людьми окончательно уронили епископа в сознании народа, который начал считать его лицом не только не нужным, но даже вредным. Стоило тут внушить простым людям мысль об отрицании такой гнетущей силы по существу, чтобы пошатнуть епископскую власть в самой ее основе. Подсказчиками в таком роде оказались тот же Уклеин, тот же Швецов с товарищами, и дело вышло удачно. Оставалось истребить последние следы уважения к низшему духовенству, чтобы сделать естественнее переход к отрицанию всей иерархии, – и это не замедлил сделать тот же епископ Пахомий. Он стал расправляться с духовенством «плетью», – и священники рыли по 5 лет монастырские рвы, носили кирпичи на колокольный литейный завод, очищали места для архиерейских конюшен, били сваи для постройки архиерейской бани, возили на себе снег из монастырей, – и все это за какие вины? – за то, что не могли дать епископу, любителю доброшумных колоколов, по 50 рублей на его затеи от церкви. Понятно, что когда так в корне было попрано не только достоинство служителей алтаря, но даже чувство человеческого достоинства и попрано православным же архиереем, тамбовское духовенство, при появлении молоканства, не только не стало с ним бороться, а даже сочувствовало ему, увлекалось им.

В 1766 г. епископ Пахомий был отдан под суд за своекорыстное удержание денег с венечных памятей и из жалования инвалидов, получавших содержание от монастырей... Преемник его, Феодосий, к сугубому смущению тамбовского края, тоже был отдан под суд, и епархия снова два с половиной года оставалась без епископа. В довершение замешательства церковных дел, синод распорядился вернуть в церковный причт епархии разных неспособных и бежавших из войск духовных лиц, поставить их на духовные места, к назиданию народа. К этой церковной неурядице присоединилась гражданская, государственная, окончательно смутившая народные умы. В 1774 г. в тамбовском крае явился Пугачев и взволновал умы против правительства, дворян, царя и духовенства, а после пугачевщины на духовенство же обрушились и все ее тяжкие последствия.

В 1776 г. вся губерния наполнилась лишенными вследствие участия в бунте духовного звания людьми, оставленными среди народа на прокормление. На городских площадях производились безцеремонные расстрижения, со снятием монашеских и священнических одежд, бритьем волос и бороды. Уцелевшее духовенство по крайнему невежеству не умело отправлять богослужения; церковные службы производились одновременно на разные голоса; по алтарям расхаживали простые бабы; нелепые иконы стояли пред глазами народа. В эти-то именно годы Уклеин поехал почти открыто по губернии и на место духовенства стал ставить учителей из народа. Все обстоятельства содействовали пропаганде молоканства: консистория постоянно нарушала закон, превышала свою власть, – Уклеин проповедовал, что в слове Божиим нет постановления о необходимости консисторий на земле. По православным церквам раздавались странные и нелепые напевы, – Уклеин заводит стройное хоровое пение библейских текстов на лучшие народные мотивы, Более половины приходских церквей в Тамбовской епархии обратилось в монастыри, где братия жила совсем не по-монашески, – Уклеин твердит народу, что монашество не есть установление божественное, что оно противно природе человеческой, что христианский монастырь должен быть в душе человека. Епископы тамбовские, вместо обучения народа христианству, вместо миссионерской деятельности, льют колокола во время управления епархией, золотят крыши церквей, устраивают колокольни в 30–40 саж. вышины, – Уклеин настаивает на бесполезности наружных храмов со всем их великолепием, толкует народу, что церковь живаго Бога живет внутри человека, что украшение ее увеличивается по мере духовного совершенства людей, для чего покупает, развозит и раздает народу Библию, приглашая всех изучать ее, вразумляться

истинным духом христианства. Коротко сказать: религиозно-церковное состояние тамбовского края в годы начала, развития и окончательного образования молоканства было таково, что критическое отношение к Православию, занесенное из Москвы, встретило здесь почву самую благоприятную и пропаганда духовного царства на земле по слову одной Библии необходимо пошла самыми ускоренными шагами.

Общее впечатление от картины несколько не изменится, даже, пожалуй, дополнится, если мы скажем, что для противодействия новому направлению народных умов в делах веры не нашлось тогда ни в местном тамбовском начальстве, ни в местном духовенстве лица, которое употребило бы лучшее в таких случаях оружие: христианскую любовь, добрые дела и чистую совесть. Совсем напротив: в 1766 г., при первом официальном открытии молокан, следователи и судьи не нашли ничего иного лучше, как отдать 30 человек сектантов в военную службу, – точно эта служба все равно, что арестантская рота, или того хуже, – а малолетних молокан роздали по православным крестьянским семьям для укрепления в правоверии. Естественно, что разоренные, разлученные с женами и детьми, молокане пели свои псалмы, читали вслух народа библейские тексты и проповедовали ненависть к начальству и духовенству, а простой православный народ, из чувства сострадания к собратьям по званию, говорил: «видно, их вера и в самом деле правая, когда они идут за нее на муки и терпят наказание».

Я не буду излагать историю молоканства за второй период его существования, так как она имеет слабый интерес в церковном отношении. Скажу лишь, что существенную черту этого периода составляет выделение сектантов правительством из среды православных и переселение их на жительство в Днепровский и Мелитопольский уезды Таврической губернии. Тут, по течению реки Молочной, с 1803 года, появляются и разрастаются их поселения рядом с поселениями менонитов, духоборцев и отчасти ногайцев. Гораздо больший интерес представляет история не официального, а скрывающегося, тайно пропагандирующего среди народных масс, молоканства: район его распространения, склад внутренней жизни молокан, постепенное развитие их учения до той формы, в какую оно отливается теперь.

На рассмотрении этих вопросов я и останавливаю ваше внимание. Прежде всего: район распространения молоканства. Довольно сказать, что уже сто лет назад, в царствование Императора Александра I-го, молоканство имело представителей в 28 губерниях центральной, восточной и юго-восточной и южной России; осело на Кавказе; прочно

держалось в Сибири, Позднее, при усовершенствованных путях сообщения, при постоянных отливах и приливах переселенческого движения, этот район, конечно, раздвинулся еще шире. С другой стороны, если в старые годы не было недостатка в странствующих по всей России проповедниках молоканства, которые ставили себе целью восстановить среди всеобщего, по их мнению, упадка Церкви, первоначальную простоту и апостольскую чистоту ее в виде тайных союзов, – то в настоящее время, при официально объявленной свободе совести, тайная и явная пропаганда молоканского учения, конечно, ведется и энергичнее, и разнообразнее. Не вдаваясь в подробности, отметим здесь хотя то, что современные молокане совершенно свободно и на законном основании организуются в союзы; союзы эти «имеют своих постоянных благовестников, которые посещают братства, укрепляют шатающихся в вере, наставляют слабых в познании «премудрости Божией, распространяют слово Божие там, где его мало знают»; в целях «разъяснения безконечной истины» пропагаторы молоканства издают журналы (например, «Духовный христианин» и «Молоканский вестник»), книги, собирают юбилейные съезды, устраивают частные и воскресные школы, библиотеки, читальни и т.п.

Выделим из общего разлива молоканства то его течение, которое прошло по Херсонской губернии.

В 1801 г., по Высочайшему рескрипту было освобождено из Сибири множество духоборцев и водворено в Новороссийском крае. В это же время молокане Тамбовской губернии, приезжавшие осматривать херсонские земли, дивились хозяйству меннонитов и охотно селились по соседству с ними, перенимая быстро их ведение хозяйства. А хозяйство у херсонских меннонитов в эту пору процветало. «Поселившиеся в Херсонской губернии, – читаем в «Истории министерства внутренних дел» – Варадинова (1858 г. ч. I, стр. 236–237), колонисты, благодаря попечению правительства, преуспевают год от году и живут в совершенном изобилии. С 1803 г. вышло оных на водворение в этом крае 3137 семей, число которых составляет 15120 душ. Они расположены в 12 селениях... занимаются садоводством, разведением винограда и земледелием... Есть мельницы, на коих выдělывается самая лучшая мука; есть запасные хлебные магазины. Пчеловодство составляет также важную статью в сельском их хозяйстве». Сверх того они устроили общественную винокурню, пивоварню, завели ветряные и водяные мельницы»... Вот где кроется разгадка того, в свое время удивлявшая русское правительство и всех православных христиан, явления, что херсонские молокане оказались искомными плантаторами, быстро разбогатели и в культурном отношении

заняли место рядом с немцами.

При Александре же I херсонские молокане основали свою общину в Одессе, где их наставником считался некто Никита Иванов. Когда производилось следствие об Иванове, начальство составило и доложило министру внутренних дел именной список одесских молокан, из которого оказывается, что купцов, мещан и иных сословий одесситов молоканской секты на первых порах в Одессе было 56 семей, да живущих в Одессе иногородних семей 37, сверх того по розыску полиции открыто 17 человек купцов и мещан, тоже молоканского учения, которые впрочем за отсутствием из Одессы по торговым делам не могли быть опрошены. Все они, по докладу министра внутренних дел, освобождены от преследования.

По всей вероятности близкое соприкосновение с немцами меннонитами отразилось не только на экономическом быте херсонских молокан, но и на их вероучении. Барон Гастгаузен, посетивший их во время своего путешествия по России, пишет: «эти люди верят в Библию как в слово Божие, и признают единство Бога в трех лицах. Бог, – говорят они, – одним из Своих слов сотворил небо и землю из ничего, равно как и всех безтелесных духов и видимый мир со всеми тварями... Искупитель, Единородный Сын Божий, зачат Святым Духом, рожден Девой Марией и есть Богочеловек. Искупление падшего человечества Он запечатлел страданиями и крестной смертью. Он послал Святаго Духа, «от Отца исходящего» святым Апостолам и с ними основал и утвердил Святую Церковь, которая есть не что иное, как собрание правоверных. Это вероизложение, как и учение херсонских молокан о десяти заповедях, – замечает Гастгаузен, христиански правильно. Но в тех пунктах, где они обращаются к Таинствам, заметен спиритуалистический взгляд, свойственный протестантам. Так, «под крещением, – говорят они, – мы разумеем не воду, которая оmyвает только тело, но веру в Троицаго Бога..., очищение нашего духа от грехов верою и умерщвление в нас ветхого человека, с его делами, дабы вновь облечься безукоризненной жизнью». Наружного миропомазания они также не принимают, в убеждении, что «учением Христа восприняли духовное помазание свыше». «Причащение есть только воспоминательное празднество о Христе, настоящий же хлеб живота есть слово Евангельское. Поэтому нет нужды в потреблении земного хлеба и вина». О Таинстве священства они рассуждают так: «архиерея и священника мы имеем только во Христе, Который призвал нас всех равно. Но по определению апостольскому мы избрали из среды своей благомыслящих людей, которые живут в страхе

Божием и называются у нас старейшинами; они читают нам слово Божие и исполняют другие требы; мы душевно их почитаем и повинuemся им, по наставлению апостола». «Из всего этого видно, – заключает Гастгаузен, – что к молоканам проникли западноевропейские, спиритуалистические взгляды на Таинства; встречаются у них даже совершенно протестантские способы выражения, которые... никогда не могли сами собой родиться на русской почве и выразиться на русском языке. Но с другой стороны заметно, что все спиритуалистическое здание возведено на фундаменте Восточной Церкви; те же древние семь Таинств, тогда как квакеры, происшедшие из образовавшегося уже протестантства, принимают только два Таинства, которым и придают смысл духовный. Молокане соблюдают посты пред Рождеством, пред Пасхой и даже в некоторые дни каждой недели, по мере своего усердия о сем; но у них это действительный пост, а не воздержание только от мясной пищи, как в Русской Церкви»...

Немалый интерес возбуждает склад внутренней жизни молоканского общества – картины семейного быта, воспитания детей, управления общиной, нравы и обычаи молокан, состояние их богослужебного культа... Однако, прежде чем разобраться во всех этих деталях и изложить беспристрастный, отвечающий действительности, взгляд, надо чистосердечно сознаться в некоторых невыгодных условиях положения» Надо знать, что при своей замкнутости и обособленности, как секта, преследуемая властью, молокане до 17 октября 1905 г. никогда и ничего не открывали о внутренней жизни своего общества православным священникам, губернским чиновникам, вообще лицам в форменной фуражке, в форменном платье. Исключение и, конечно, очень редкое составляли в этом отношении люди образованные, ездившие из края в край по России с целью изучить сектантство на месте, да и то, когда такие гости в состоянии были доказать своим знанием разных вер, что они из ученых побуждений желают проникнуть в их тайны. Таким образом, точных и подробных сведений о складе внутренней жизни молоканских обществ, идущих непосредственно от самих сектантов, очень мало. С другой стороны, несмотря на то, что молокан у нас, в России существует целый народ, – с духоборами более 200000, – секта молоканская еще в 80-х годах прошлого века представлялась сектой «таинственной»; наши ученые расколоведы, за исключением Преосв. Филарета Черниговского, – знали о ней очень мало положительного и совсем не затрагивали, таких, напр., вопросов: каково учение молоканства в своем направлении умственном и нравственном? что выработала эта секта в общем строе государственного развития России? Правда, Ф.В. Ливанов в своем четырехтомном

сочинении «Раскольники и острожники» дал серьезную попытку заполнить этот пробел: по архивным делам Министерства Внутренних Дел, с 18 века и кончая 1866 годом, которых он проштудировал не одну тысячу, он составил «Историю молокан в России», – но и эта «История» останавливается на вопросах, относящихся к внутренней жизни молокан только отчасти, не далее 1872 года; а главное: сам автор сознается в том, что, использованные им, архивные дела «не что иное, как камни в каменоломне; воздвигать из них здание истории можно не иначе, как при многолетнем обтесывании их искусными инструментами» (Т. 2, изд. II, стр. 280).

Семейная и общественная жизнь молокан сложилась иначе, чем жизнь православного русского крестьянина. У молокан все своеобразно, начиная с устройства дома, воспитания детей и кончая самыми обыденными привычками.

Войдите в дом любого молоканина, в каждом вы найдете особого рода внутреннее расположение. Направо, при входе, устроена особая комната, большей частью в одно окно; против нее, налево – кухня; затем идет общая большая комната, у многих перегородженная надвое. В этой большой комнате, в переднем углу, на полке, обыкновенно, лежит Библия вместе с другими священными книгами. Библию читают круглый год по вечерам сами отцы, а если отцы берут в руки работу, то – дети, причем отцы, не оставляя работы, толкуют прочитанное. Первая комнатка, против кухни всегда назначается для стариков: родители ли они, или деды, или родственники, – безразлично. В ней старики живут особо от прочих, читают молитвы, пьют чай, принимают прочих членов семьи для научения и наставлений. Из этого одного уже видно, что старость у молокан вообще в почете. Но, говоря по совести, старики – молокане того и заслуживают. У молокан старик не будет пьянствовать, ругаться, безобразничать на улице, или с разбитым в кровь лицом возвращаться из кабака. Тип старика сложился у молокан веками; он солиден, серьезен, старец-наставник.

Вина молокане не пьют, и пьянство считают, во-первых, грехом, по слову Писания, во-вторых, занятием неподобающим человеку, который создан по образу и подобию Божию. Понятно, поэтому, отчего все молокане живут зажиточно: лишняя копейка всегда остается цела и идет на увеличение их благосостояния.

«Трудолюбив, как молоканин», – было когда-то пословицей. Действительно, шесть дней в неделе молокане все, от мала до велика работают, седьмой же день – воскресенье проводят в не меньшей работе, только не физической, а духовной. В этот день, с утра, часов в 8, они

собираются на общественную молитву, или «обедню», которая оканчивается к часу дня. После этого обедают, а затем в каждом доме раскрывается Библия и читается кем-либо из старших, но так, что все в доме, от мала до велика, обязаны слушать Библию и толкование, заучивать правила веры и жизни наизусть, вообще умственно работать. Вот этот-то умственный труд они и называют «работой для Бога». Праздность из их обществ выгнана навсегда, и самое слово – «праздность» на их языке звучит странно и смешно. Спросите молоканина: «отчего ваши дети не имеют никаких игрушек»? Отчего они не играют на улицах, не поют песен, не веселятся в хороводах, не грызут семечек»? и т.д. – Он ответит вам: «эти забавы приучают человека к праздности, к рассеянности; дети будут требовать забав и игрушек, а человек создан совсем не для этого: «в поте лица снеси хлеб твой», сказал Бог. «Противно смотреть, говорят молокане, как дитя, например, сидит, да шелушит семечки... Нет, это нам не по душе... Есть время свободное: бери книгу, да читай, да размышляй, правилами жизни запасайся, вот это и есть по-нашему грызть семечки». Секрет цветущего здоровья молоканских детей объясняется, таким образом, просто. Совсем не потому у них здоровые дети, что родители-молокане истребляют свое слабое потомство, как некогда утверждали некоторые «глубокие» умы, а потому, что шесть дней в неделе молоканские дети проводят наравне с большими на воздухе и помогают взрослым во всех занятиях. Это и составляет для них моцион; этим они и удовлетворяют потребности возраста. При более близком знакомстве оказывается, что молоканские девочки вообще отличаются застенчивостью, стыдливостью, тихим, ясным спокойствием, даже меланхоличностью. Так направляет и выправляет их семейное воспитание. Выражение лица мальчиков совсем другое. Первая черта, которая проглядывает в них, это повиновение старшим, потом какая-то напряженная пытливость ума и сосредоточенность в себе. Манеры их скромны, но застенчивости никакой. Они постоянно с большими и общества собственно детского у них нет. Система воспитания детей у молокан имеет, можно сказать, библейский характер. Отцы и матери отличаются начитанностью в Священном Писании и знают наизусть тысячи жизненных правил, основанных непременно на тексте. На вопрос, как они обращаются с детьми и бьют ли их за проступки, в ответ, обыкновенно, слышится: «детей надо учить собственным примером, а вразумлять словом» (и сейчас же указывается соответствующий текст); только для самого негодного ребенка велено употреблять жезл (...и опять соответствующий текст); но мы к этому почти никогда не прибегаем.

Наши дети и без того послушны»... Наряду с непосредственным воздействием родителей на детей стоит воздействие старцев и учителей, работающих над детской душой. Последнее сказывается в беседах и разговорах, имеющих религиозно-нравственный характер, в школьном преподавании детям Ветхого и Нового Завета, в воскресных послеобеденных собраниях детей, устраиваемых по примеру взрослых. «Нас юношей, – пишет один молоканин, – собирается не более 17 лет и не менее 14 лет, каждый праздничный день на чтение слова Божия, дабы наставляться в начале пути Господня, как гласит Писание: «наставь юношу в начале пути его». Как следует полезнее всего читать Писание, мы узнали от старца» (Духовн. христ. 1906 г., №9, стр. 32). «Каждое воскресенье и в праздничные дни наше собрание, – сообщают Новосалимские молокане, – после обеда переполняется молодым поколением обоего пола; тут совершается благоговейно богослужение, с соблюдением полной точности, по примеру старцев, чтение Свящ. Писания, пение и молитвы».. (Духовн. христ. 1906 г. №3, стр. 60). «Старшие ученики и ученицы воскресной школы беседуют из Библии, под руководством опытного брата, при полном собрании всего братства» (Там же, стр. 49). «Дети обоего пола, составляющие несколько хоров, поют» (там же №9. стр. 63). В силу такого воспитательного строя молоканский ребенок обучается грамоте непременно матерью – грамота обязательна у молокан, по старому завету Уклеина, и потому они все почти поголовно грамотны, потом делается певчим в собраниях, а когда женится, или выходит замуж, то его спокойствие, здоровая, трезвая жизнь гарантируются церковным собранием, не говоря уже о том, что по молоканской догме муж и жена пользуются одинаковыми во всем правами. Церковное собрание у молокан – это народный трибунал, имеющий страшную власть над всеми. Если муж изменит жене, или обидит ее сильно словом, тем более, если побьет, жена прямо заявляет о том церковному собранию и собрание на первом же молении вызывает к ответу виновного, разбирает дело публично... и затем налагает наказание. «Муж должен любить жену, как Христос возлюбил церковь», твердят молокане, «а разве Христос оскорбляет когда-нибудь церковь»?

Вообще, молоканский брак изображает собой союз двух лиц разного пола, удовлетворяющий известным обычным юридическим условиям, принятым у молокан и производящий известные последствия в их гражданском быту. Понятие о нем установилось у молокан вне области нашего гражданского и церковного права, но в области их веры и нравственности. «Брачное сожительство, говорят молокане, установлено

Самим Богом, еще во время пребывания человека в земном раю». С этой точки зрения брак молокане представляют учреждением, состоящим под покровительством божества. В этом они сходятся с православными. Но по учению Православной Церкви брак есть *таинство*-учреждение, совершаемое с участием божества; на взгляд молокан он – только простой обряд, нисколько не препятствующий разрыву, или разводу, разбрачующиеся того захотят. Независимо от религии, нравственный закон видит в браке союз двух лиц разного пола, основанный на чувстве любви, имеющий своим назначением восполнять личность отдельного человека, не полную саму по себе, личностью другого пола. Брак, таким образом, является учреждением, состоящим под влиянием нравственных понятий. Этот второй вид брака молокане считают краеугольным камнем своего брачного права. «Одно плотское совокупление без духовной связи, без любви, учат они, есть унижение и безчестие, ибо только животные, не имеющие бессмертного духа, совокупаются единою плотью»... «Союз между мужем и женой должен быть союзом любви; без сего он есть унижение человеков и требует разрыва»... Как союз Христа с Церковью есть союз духовный, так и брак не может быть основан на праве сильного по закону»... Очевидно, у молокан нет брака, как Таинства, а есть брак гражданский. Любопытен обряд этого брака, по всей вероятности тамбовского происхождения. Всего замечательнее в нем торжественность совершения и участие в качестве действующих лиц, наравне с совершающим брак старцем, родителей жениха и невесты. Молоканский брак совершается или в поле, или в доме, а чаще всего среди двора, под открытым небом, при огромном стечении народа, – обычно целого села, или околodka, причем для благословения новобрачных выбирается самый древний старец из всего местного населения. Картина бывает патриархальная, когда какой-нибудь 90-летний, или 100-летний, белый, как лунь, старик то возлагает свои дрожащие руки на головы жениха и невесты, то поднимает их к небу, призывая благословение небес на чету, среди коленопреклоненного народа, поднимающего свои глаза к тому же открытому небу. По очереди со старцем наставником возлагают руки на новобрачных, молясь о них и произнося наставления и заклинания, и их родители... Нет сомнения, что эти торжественные клятвы вступающих в брак пред народом, короткие, назидательные, глубоко западающие в душу, при торжественной обстановке, родительские наставления, советы и назидания старцев-свидетелей брака рассчитаны на то, чтобы побудить новобрачных хранить супружескую верность и сделать семейный быт молокан устойчивым и крепким. Любовь и уважение друг к другу,

верность до гроба, завещание трудиться, хранить страх Божий, быть честными в жизни, по христиански воспитывать детей, слушаться и почитать новых родителей, которые являются вслед за заключением брака одинаково как для жениха, так и невесты, вот преобладающее содержание одиннадцати молитв молоканского брачного обряда, из которых, к слову сказать, две: «Боже Пречистый и всея твари Содетелю»... и «Благословен еси Господи, Боже наш»... буквально взяты из православного Требника.

Я не без цели остановился на теоретической и обрядовой сторонах молоканского брака. Если внимательно всмотреться в эти стороны, то выяснится прежде всего, что условия заключения брака у молокан иные, чем те условия, какие требуются при браке Православной Церковью. Наше законодательство требует от вступающих в брак взаимного согласия. Формально согласие это выражается тем, что брачующиеся пред самым совершением Таинства, в церкви, дают словесное показание священнику о добровольном непринужденном заключении брака; выражение несогласия при этом со стороны кого-либо из них устраняет совершение брака. Однако, несмотря на это, вследствие подчиненности, даже порабощенности, по нашему закону, женщины мужчине, браки у нас в большей части случаев, как прежде, так даже и теперь заключаются по принуждению. Судебные летописи представляют тысячи уголовных дел в каждой губернии, подтверждающих подобную принудительность. Совсем иначе у молокан. Не зная действующих на этот счет наших узаконений и не подозревая их существования, они берут текст из книги Товита и ставят его во главу своего обычного гражданского права в деле соглашения жениха и невесты. У молокан жених, выбравший себе по сердцу невесту и невеста – жениха объявляют об этом родителям, которые в свою очередь сообщают о том в народном церковном собрании и ни в каком случае не имеют права препятствовать браку, так как в противном случае желающие пожениться могут обжаловать насилие отца или матери на народном молитвенном собрании, которое и утверждает брак своим приговором. Этот юридический обычай, узаконенный практикой, – письменных законов у молокан нет, – ведет к таким последствиям: если в соседстве с молоканами живут православные невесты, обреченные родителями на ненавистный брак, то они иногда считают лучшим для себя исходом бегство к молоканам, которые, разумеется, никогда не отказывают в помощи и скрывают их у себя до тех пор, пока не выдадут замуж за любимого человека.

Что касается имущественных прав супругов, то у молокан на этот счет существует система общности имущества супругов. Имущество двух

лиц разного пола, вследствие брака их между собой, становится общим, с тем, однако, ограничением, что право распоряжаться им принадлежит более мужу, как имеющему большие понятия о хозяйстве.

Далее: наше законодательство, как известно, устанавливает особое брачное совершеннолетие, не совпадающее с общим гражданским совершеннолетием, именно: для мужского пола брачное совершеннолетие наступает по достижении 18 лет, а для лиц женского пола – по достижении 16 лет от роду, так что до наступления общего гражданского совершеннолетия известное лицо может уже несколько лет находиться в браке. Вводя такое брачное совершеннолетие, законодательство руководилось соображениями с одной стороны физического, или физиологического свойства, а с другой экономическими условиями русского крестьянского быта. У молокан девица, или мужчина, как жених и невеста, рассматриваются не столько с физической стороны, сколько со стороны моральной. В их быту возраст для брачующихся определяется умственной и нравственной зрелостью. Это их обычный гражданский кодекс. Так как молокане все почти поголовно грамотны, то у них лучшим женихом и лучшей невестой считается тот, кто лучше, тверже и больше знает Священное Писание и обязанности христианина. В этом случае их грамотность, начитанность и знание Библии поразительны. Девушка-подросток 14 лет говорит об обязанностях своего будущего мужа и собственных, как жены, по священным книгам Ветхого и Нового Завета так, как не говорит иной взрослый православный, к тому же немало учившийся. Такая невеста, действительно, укажет мужу своему его библейские обязанности, если бы он вздумал их нарушить. А главное, в таких случаях она прямо заявляет о том церковному собранию в первое же воскресенье, и церковный мир восстанавливает нарушенные права супругов.

Наконец, наше законодательство определяет возраст, по достижении которого лицо не может уже вступить в брак. Этот возраст – одинаков для лиц обоего пола – 80 лет от роду. Но то же законодательство не может воспрепятствовать старику 70 лет жениться на девице 16–17 лет. Молокане, не считая целью брака одно лишь рождение детей, но поставляя в основу его главным образом удовлетворение нравственных потребностей природы, не имеют законодательных установлений касательно возраста брачующихся; тем не менее, по их уверению, самый предельный возраст для брака – 40–50 лет и то в крайности. В противном случае церковный совет не позволяет заключать брак, так как, по их понятию, браки старых лиц не соответствуют идее брака. Благословляя жениха и невесту, отец и

мать у молокан читают молитву, в которой между прочим говорится: «да благословит вас Бог, и узрите чад своих... Да благословит вас Господь Бог принять супружество и сохранить его в чистоте; сего усердно желаем»... «Каких же, – спрашивают молокане, – может ждать чад старик, вступающий в брак? Не стыдно ли будет отцу и матери читать нашу брачную молитву над головой такого жениха? Такой брак есть прелюбодеяние и мы его не допускаем».

Перейдем к вопросу о внутренней организации молоканской общины и ее управлении.

По теории, если только может быть речь о теории у молокан, по теории, которую признает секта, община молокан не должна иметь «никаких особых начальников, пастырей и наставников, облеченных властью, исключаемых из прежнего звания, получающих от сектантов, или правительства особые права».. «Все должны быть равны и иметь одинаковые права, в особенности в деле духовном»... «Хозяин общины – общее собрание членов» (Дух. христ. 1906, 4, 55, 33, 62). На практике, однако, подобный взгляд всегда оказывался неосуществимым, община обращалась в «безсознательное стадо, которое часто ничего не ведало дальше начатков учения»...; «верования, взгляды, обряды в разных братствах начинали крайне разнообразиться»...; «возникали раздоры, распри; братства предавали друг друга отлучению» (там же №9, 38–39; №3, 31, 32). Поэтому, издавна, с начала прошлого века и по настоящее время, «из среды общин свободно приглашались достойные братья и старцы, для совершения обрядов венчания, молитв по усопшим, или всеобщей молитвы в собраниях. При этом ценились простота жизни, нравственная чистота человека; обращалось внимание не на возраст, не на богатство и не на общественное положение, а на чистоту помыслов и поступков. Раз брат был трезв, честен и нравственного поведения», он естественно оказывался пригодным к совершению обрядов на общем собрании и в частных домах (там же №4, 54, 55).

Какими правами молоканские старцы располагали? Как далеко простиралось их влияние на общину? Как сама община относилась к старцам? Вообще, к чему сводится значение этих молоканских наставников?

Вышеуказанный критерий, который молокане применяли при приглашении старцев, дает понять, что эти «достойные» люди отправляли молоканское богослужение, на церковных собраниях общины, т.е.: читали молитвы, объясняли Писание, вели нравоучительные беседы, а когда являлась нужда, то венчали молокан, преломляли хлеб и т.п. Так как во

всех этих действиях неперенное участие принимала и община, или в полном составе, как например, при пении молитв, или в отдельных членах, напр., родители жениха и невесты, при обряде брака, то старцам, очевидно, усвоилось некоторое руководственное значение. Тем же значением они пользовались и в других случаях, напр. назначали место и время собраний, на собраниях этих занимали почетные места – они же предлагали общине учителей, преемников себе и т.п. В общем, таким образом, старцам принадлежали права чести, но никак не власти.

Судить о том, как далеко простирается их влияние на общину и как сама община относится к своим старцам, можно по следующему характерному сообщению, напечатанному в «Духовном христианине» 9, 62). «Наши предки, пишут молокане Павлодольской станицы, Терской области, были переселенцами из Тамбовской губернии... Старец у них был в деле Божиим И.И. Крылов, помощник и друг М.С. Уклеина. Был он человек религиозный, хорошо управлял до самой смерти... Много у нас было после него старцев-управителей... Покойный старец был Т.М. Лисицын. Служил он 37 лет, проводил жизнь тихо, кротко, всегда находился в посте-молитве, проливал часто слезы, просил, уговаривал от старого до малого ходить каждую седмицу в собрание, просил отцов-матерей приучить детей ходить в собрание, в школу, петь, читать, молиться. Когда он почувствовал себе смерть, пришел в собрание, попрощался со всеми братьями..., умер. В 1902 году он отменил у нас преломление хлеба и квас вместо вина, которое установил около 1734 года старец Крылов... По причине отмены преломления с квасом, наше общество разделилось на две половины; на пасхальной неделе в 1906 г. посоветовались мы попросить посторонних братьев наших мирить нас, написали письмо брату Калмыкову приехать к Троице. Мы увидели его у себя 21-го мая. Читал он из Нового Завета, преподавал разумные рассуждения о делах Божиих, жизнь мира, союз братской любви... На второй день брат Калмыков предложил всему собранию: я приехал к вам узнать наше дело; но прежде всего, нужно узнать, сколько у вас каких окажется; направо отходите те, которые не желают принимать преломление, а налево те, которые желают... Разделились... Направо в три раза более; налево меньше. Спрашивает он большую половину: «вы не желаете совершать преломление»? В один голос сказали: «нет»! «А желаете, чтобы они совершали в собрании преломление? «Подымите руки». Вверх поднял только один человек. «Ну вот, к сожалению, поднял один человек! Теперь как вас мирить? «Лучше в одно соединиться»! Но левая сторона закричала: «разделим собрание, или замкнем, чтобы ни мы

не ходили, ни они». Брат Калмыков молчал с четверть часа, потом советует: «для мира я желаю вам позволить совершать преломление в собрании». На это ответили: у нас его не было сто лет и не позволим внести, а пусть совершают вечерю по домам и ходят в собрание с нами вместе, а не хотят, так пусть собираются отдельно». Затем разошлись по домам. На 23 число, по отъезде брата Калмыкова, мы еще собрались закончить это дело; решили так, чтобы у нас вина-хлеба не было и более не беспокоили старцев собираться решать это дело».

Здесь довольно точно определен предел старческого влияния на молокан. Пока нравственное воздействие старца есть, пока община молчит, старец управляет, т.е. руководит, устанавливает и отменяет обряды; но как только такое воздействие превратилось, или старец умер, для прекращения возникших беспорядков пользуются местными средствами, или обращаются к стороннему авторитетному влиянию; но община может и не послушаться общепризнанного авторитета, как в данном случае, и последнее окончательное решение выносит сама.

Дело понятное, что при таком порядке вещей у молоканских старцев и в старые годы возникали и теперь возникают поползновения на права власти, гораздо более привлекательные, чем права чести. Прежде их усилия в этом направлении сводились к тому, чтобы составить и возможно полно разработать молоканскую догму и мораль и чрез это выступить в значении молоканских законодателей; в более позднее время те же усилия вылились в другую форму – создать богословскую школу для взрослых духовных христиан и раскрыть «тайны молоканской мудрости».

Результат полуторавековой работы, направленной молоканскими старцами к возможно полному изложению и обоснованию их учения, пред нами. Мы имеем: самое раннее по времени появления, «Учение молокан в изложении Уклеина» (Правосл. Соб., кн стр. 51–57); «Обряд Тамбовских духовных христиан», от 1820 г. (Ливанов, Расск, и остр., т. 3, стр. 212–217); и «Обряд Херсонских молокан» от половины прошлого столетия (там же, т. 2, стр. 151–164). По этим документам, не вдаваясь в подробности и не вступая в критическое исследование и опровержение всех пунктов молоканства, что может быть делом специалистов и предметом особого самостоятельного чтения, мы воспроизведением лишь существенного основоположения молоканской догматики, морали и обрядника, чтобы всякий непредубежденный православный человек, ознакомившись с ними, мог судить, насколько учение молоканских старцев бедно в своем положительном содержании и как шатки его опоры, свидетельствующие не столько о действительном значении его составителей, сколько об их

простоте и невежестве.

Молоканская догма признает единственным источником веры Библию, а Свящ. Предание отвергает на том основании, что «истинная Христова Церковь существовала только до IV века, пока Вселенские Соборы и учителя Церкви произвольным толкованием Библии не извратили христианство и не смешали его с язычеством. Поэтому, в настоящее время истинную Христову Церковь составляют только истинно-духовные христиане, которые не приемлют ни преданий, ни постановлений соборных, ни писаний учителей, уважаемых Церковью» (Уклеин, ст. 6 и 7). Однако, усматривая в Свящ. Писании единственный источник веры, молоканство противоречит само себе в первых же пунктах своего вероизложения. «Сын Божий и Дух Святой, читаем в «Учении» Уклеина, хотя единосущны Отцу, но не равны Ему в Божественном достоинстве» (Ст. 2). Подобным образом, говоря о смерти Иисуса Христа, тоже «Учение впадает в какой-то докетизм: «не имея вполне плоти человеческой, Христос не умирал подобно всем людям, а умирал особым образом» (Ст. 4). Учение молокан о Церкви узко и односторонне, не говоря о коренной неверности. В состав его входит всего пять разрозненных положений: 1) «Церковь есть людское собрание» (Херс. п. 3), «основанное Христом во время земной Его жизни; состояло оно сперва из апостолов, а потом и из всех, уверовавших во Христа» (Уклеин, ст. 5). 2) «Глава Церкви, единый архиерей и священник – Сын Божий» (Херс. ст. 6). 3) «Старцев имеем по слову апостола и по писанию сына Сирахова». 4) «Святость Богородицы и апостолов должны признавать, но им не надо молиться» (Уклеин, ст. 19). 5) «По усопшим поминовение творим и молимся, чтобы им были отпущены грехи» (Херс. ст. 23).

Общее учение о Таинствах таково: «К достижению нравственного совершенства и получению вечного спасения духовным христианам подаются благодатные дары Святаго Духа, но не чрез видимые какие-нибудь знаки, а духовно. Поэтому, Таинства должны быть понимаемы духовно». (Уклеин, ст. 9).

В частности: Крещение, утверждает молоканство, «не должно быть водное, а духовное, которое состоит в научении от слова Божия, в покаянии, отпущении грехов» (Уклеин, ст. 10, Херс. ст. 12) и «в соблюдении Христовых заповедей» (Тамб. ст. 6).

Миропомазание «свидетельствует елей радости (Херс. 14); преподается невидимо Божественным учением, очищающим верующего от грехов» (Уклеин, ст. 11).

Причащение «состоит в принятии учения и в исполнении заповедей

Христовых. Под плотью Христовой надо разуметь слово, или учение Спасителя» (Уклеин, 13; Херс. 15; Тамб. 8).

Покаяние «есть сокрушение сердца перед Богом и исповедание грехов перед Ним единым» (Уклеин, 12, Тамб. 7); другими словами: оно не признается самостоятельным Таинством, так как мы «свидетельствуем Крещение во оставление грехов» (Херс. 16). Точно также не составляют таинств: священство, брак и елеосвящение (Уклеин, ст. 14 и 15). «В брачное сожитие мы обручаемся в правде милости, щедротах и вере... К совокуплению сочетания брака предстанут жених и невеста в собрание людей и обручатся в вере и правде в век, и между их заключается клятвенное обещание, чтоб не разлучаться и состариться вместе. Что совершается при отцах и матерях и при свидетелях. Тогда и познаются муж и жена» (Херс. ст. 17). «Сочетание браком производится избранным старцем, или настоятелем» (Тамб, ст. 15).

О воскресении мертвых «Учение» Уклеина высказывается неопределенно: «и молокане, по заслугам Сына Божия, могут получить вечное спасение» (ст. 8); Херсонский «Обряд», вопреки предвзятой мысли все объяснять и понимать в духовном смысле, видит «в жизни за гробом жизнь в другой плоти» (ст. 22); Тамбовский передает почти буквально мысль православного Символа: «воскресению мертвых верим, и уповаем, что по смерти живы будем, суд бо по смерти придет» (ст. 16).

Вот и все догматы молоканства, состоящие частью в одностороннем искажении истин Православия, частью в отрицании других таких же истин.

Мораль молоканства еще бледнее. Из десяти заповедей закона все три вероизложения упоминают только о пяти, как будто бы остальных нет и не было.

О почитании св. икон и мощей, что относится ко второй заповеди, «Учение» Уклеина (ст. 18) гласит: «люди по своему произволу определили молиться и поклоняться Богородице, святым мощам и иконам». «Иконам рукотворным, говорят Тамбовский и Херсонский «Обряды» (ст. 5 и 11), «не поклоняемся; вместо образов тленных имеем духовный образ Спасителя».

Клятва, или присяга, по Уклеинову «Учению», «дело непозволенное Священным Писанием» (ст. 24), по Тамбовскому «Обряду» (ст. 12) напротив: «присяга, или клятва в нужных случаях употребляется молоканами, по заповеди Господа в святом Его Евангелии».

О седьмом дне, о пище и постах молоканство повторяет приблизительно то, чему учит Православная Церковь.

«Седьмой день, недельный почитаем, по свидетельству Писания» (Херс. ст. 24). «В пищу можно употреблять все, кроме животных, запрещенных в Писании» (Уклеин, 21). «Посты содержим в разные времена... пред наступлением великих праздников, как то пред Рождеством и Воскресением Христовым и пред сошествием Святаго Духа; да и кроме оных, по временам и по возможности (Тамб. ст. 13), когда чувствуем свою греховность и преобладание плоти над духом (Уклеин, ст. 20); постимся дня по четыре и по пяти и по седмице, хлеба и воды не вкушаем (Херс. 20), а производим моление и пение псалмов» (Тамб. 13)... «Но, чтобы пост заключался в воздержании от известного рода пищи и в известные определенные дни, – как Церковь православных определила, о том в Писании нет заповеди (Уклеин, ст. 20) и потому по средам и пятницам постов не принимаем, почитая более пост духовный» (Херс. 20).

О земных властях «Учение» Уклеина отзывается двусмысленно: они-де «и благодетельны и Богом поставляются, но, так как христиане не суть от мира, то и остаются жить по заповедям», т.е. соображая, каково отношение властей к молоканству и потому подчиняясь им, или противодействуя. Херсонский «Обряд» утверждает категорически: «царя и власти почитаем» (Уклеин, ст. 23; Херс. 25).

Всего лучше молоканская мораль характеризуется заключительной статьей «О странноприимстве». «Так как невозможно противиться духовенству и правительству, то духовные христиане могут скрываться от него, а братья их по вере обязаны принимать и укрывать их» (Уклеин, ст. 25). Этим все сказано: и сознание превосходства Православия над старческими потугами создать свое собственное учение, и инстинктивный страх наказания за отпадение от веры предков, и перспектива фальшивого положения в будущем.

Собственно «обрядник» молокан звучит более, чем печально. «Облачения риз не имеем; жертву приносим на всяком месте», проще сказать: храмов у нас нет, а собираемся на молитву в обычных избах; «престол свидетельствуем мужа разумна; фимиам и кадило полагаем в молитве; видимого крестного знамения на себя не возлагаем; сосудами при богослужении считаем устне разумных; венцы полагаем в противлении похотем; очищаем себя не вещественно, – но очищением от скверны, плоти и духа; окропление полагаем в окроплении сердца от совести лукавой» (Херс. 4, 7–11, 18, 19; Уклеин, ст. 16, 17; Тамб. 5).

Так говорить может лишь духовная гордость, мечтающая, будто она в силах парить на одном крыле и забывающая такие простые общеизвестные истины, как та, что Сам «Спаситель Христос, хотя и был духовен в

высочайшей степени, но и Он духовную молитву изображал и словами и благоговейными движениями: обращал очи к небу, преклонял колена и лицо на землю, посещал храм» и т.п. (Катих. Правосл. Церкви, стр. 68).

Мы имеем основание думать, что само молоканское старчество пришло к выводу о бесплодности своих потуг полно разработать и неопровержимо обосновать догму и мораль духовного христианства. В самое последнее время «сознательные старцы, духовные вожди, особо мудрые из народа» начинают твердить, будто все, доселе проповеданное ими, – только «начатки молоканского учения», а у них – старцев есть еще и «тайны духовного ведения, духовного толкования», которые они скрывали будто бы от недостойных и неразвитых людей».

«Истинные премудрые тайны вероучения духовных христиан и доньше хранятся скрытно у наших сознательных старцев-вождей; скрываются они одинаково как от правительства, так и от самого безсознательного стада. Стадо имеет дело большею частью с начатками учения, которые мало чем отличаются от начатков учения греческой Церкви; стадо смотрит на Писание глазами и очами греческими; стадо имеет неясное, смутное и сбивчивое понятие о том духовном иносказательном толковании божественных истин и тайн, которое сохраняется у сознательных старцев-вождей.... Знают тайны учения не все члены собрания, ибо открывают эти тайны не всем, а лишь некоторым; во всей Бакинской губернии, например, знают это учение не более 30–40 душ, особо мудрых, сознательных. Точно также тайны учения ленкоранских братьев изложены в, так называемом, «Новом Евангелии», написанном немногими членами: это евангелие держится в строгой тайне и называется «Заветом Духа»; старцы общие исповедуют, следовательно, три завета: ветхий, новый и завет духа. Это новое евангелие и тайны его будут опубликованы в свое время (Духовн. христианин, 1906, №9, стр. 38–39).

Прибавим: старцы не утерпели и уже приступили к опубликованию своих тайн, правда не всех, но наверное самых важных и по тому, что явилось в печати, можно с достаточной определенностью судить о «великом значении» их тайн, о «глубине» молоканского толкования Библии, а главное – о «мудрости», подносимой старцами-вождями их «безсознательному, невежественному стаду».

Вот эти «тайны» и эта «мудрость», громко называемые «богословской школой для взрослых духовных христиан» Мы имеем пять, напечатанных в «Духовном христианине» за 1906 г., бесед старцев: «О Мелхиседеке», «О потере евреями книги закона и о тайнах слова Божия»; «О сожжении

Библии Навуходоносором»; «О втором пришествии» и беседу о том, «Зачем нужны были евреям водные крещения».

Извлечем из этих статей перлы молоканского богословского мудрования.

Беседа «О Мелхиседеке» ставит целью доказать, что «верный способ толкования слова Божия есть способ иносказательный». Что же для доказательства этого положения она дает? Ничего больше, как сообщение составителя этой беседы, будто новые молоканские богословы, прочитав выдержки о Мелхиседеке из Писания и из книги Епифания Кипрского, приступили к беседам. Как эти беседы велись, что именно говорилось по поводу поставленного вопроса, читателю остается неизвестным. Остается непонятным ему и то, каким образом старцы пользовались книгой Епифания и даже приняли одно из указываемых в ней толкований, тогда как книга Епифания относится к Священному Преданию, а Предание молокане принципиально отвергают.

Еще курьезнее «беседа старцев о потере евреями книги закона и о тайнах слова Божия». Автор говорит: «Открылись по истине поразительная и изумительная тайны слова Божия. Старцы открыли, что книги Моисея, начиная со времен судей, были затеряны евреями и про них и про закон Моисеев никто не знал из евреев во все время судей израилевых и царей иудейских, и лишь спустя 900 лет после Моисея книги его и закон его были вновь найдены при царе иудейском Иосии. В течении этих 900 лет евреи, их пророки, цари и священники жили без закона, не совершали пасхи, ни кущей и не знали, что их нужно праздновать"... Действительно, открытие поразительное, даже невероятное. При таком открытии благочестивые цари иудейские Давид и Соломон, очевидно, обращаются в неверующих язычников; не известно только, что делать, чем признать их священные книги, которые молоканство до сих пор признавало богодухновенными. «Старцы-богословы» добогословствовались до абсурда. Любопытно, однако, знать, как они открыли такую удивительную тайну. Любопытствующий потеряет напрасно время, читая «беседу» до конца. В ней нет ничего кроме цитат из 2 кн. Царств и 2 Паралипоменон.

Об остальных попытках в том же роде, – толковать, что не по уму и не по силам, лично – от себя я не стану и говорить; воспользуюсь словами одного молоканского «старичка» из «Молоканского вестника» за 1906 г., №7. В №9 «Духовного христианина», – пишет он, – помещена статья, мысли которой несколько странны. Статья озаглавлена так: «Беседы старцев о втором пришествии». Но как это ни странно, никаких бесед в

статье не находится, а находится только указание, что самарские духовные христиане думают о втором пришествии по плоти, а тамбовские по истине. Но это истинное понимание второго пришествия «тамбовцами» почему-то держалось и держится в большой тайне. Последнее обстоятельство вызывает грустное замечание о том, что автором статьи не поняты примеры тайного держания истины из Ветхого и Нового Завета, которые он приводит.... Содержание в тайне какой-то истины о втором пришествии Христа наводит на очень грустные размышления об отступлении от явной истины учени Христовы, которую, как зажженную свечу, нельзя ставить под стол. В заключение автор говорит, что «ныне настало время, когда эти тайны должны постепенно объясниться и обнаружиться». Очень хорошо, радуемся и будем ждать; но было бы лучше, если бы «Духовный христианин» не печатал пустяков» (Стр. 71).

Этим сказано все и этим исчерпывается глубина премудрости новейшей «богословской школы, тщетно воздвигаемой молоканскими старцами. Дело очевидное: «мудрецам в сермяге», как когда-то называл молоканских стариков немец Гастгаузен, не по плечу «тайны богословия», к разгадке которых их тянут духовная гордыня и страх, как бы «безсознательное и невежественное стадо» не ушло из рук.

Конец моего, против воли так затянувшегося, чтения. Столетние юбилейные съезды молокан, – 22 июля 1905 г. в Воронцовке и 4 сентября в Астраханке, а также манифест 17 октября 1905 г. окрылили сектантов новыми надеждами и широкими расчетами на лучшее будущее.

Съезды дали в результате новый молоканский журнал («Духовный христианин»), проект основания духовной школы для подготовки наставников, которые могли бы преподавать детям молокан их вероучение в реальных училищах, гимназиях и других учебных заведениях; мысль открывать молоканские библиотеки и читальни; наконец, на съездах же была высказана идея молоканского союза, или точнее объединения молокан, в форме местных союзов, вроде Кавказского, Таврического, Волжского, Сибирского. Еще в 1903 г. бакинская молодежь из «постоянных» и «духовных» молокан образовала кружок с целью устраивать воскресные послеобеденные религиозные беседы. Кружок этот существовал и действовал полтора года. Осенью 1904 г., в Баку было устроено детское собрание, где детям обою пола преподавались уроки Священного Писания. Две подобного же рода школы открыты в 1905 г. в Благовещенске. 19 февраля 1906 г. бакинские молокане открыли «Общество самопросвещения, которое настаивает на необходимости науки, так как она «освобождает от фанатизма и суеверий»,

препятствующих делу развития молоканских общин. В большом ходу проекты об издании молоканских молитвенников, календарей, книг; об устройстве публичных лекций, благотворительных обществ, ссудных касс, об учреждении союзов с культурно-просветительно-экономическими целями... Все это так улыбается молоканскому чувству, так ласкает и тешит воображение.

Но: описывая явление, надо иметь в виду все его стороны. Так и здесь: надо посмотреть на обратную сторону нового просветительного движения, начавшегося у молокан. А эта сторона по истине безотраднa. «Одумайтесь, братья», – убеждает в «Молоканском вестнике» за 1906 год «Открытое письмо» по поводу юбилейных съездов 1905 г. – «посмотрите на ваших представителей в будние дни, когда они, приняв обычную личину, занятые торговыми расчетами, мысленно и в своих поступках, удаляются далеко от заповедей Спасителя. Как часто в газетах появляются разоблачения, проливающие свет на антихристианские действия наших духовно-денежных представителей... Столпы духовного христианства, его основатели были люди с чистой, как кристалл, душой, с непорочным сердцем, со свободным умом и с глубокой, живой верой.... Современное, вырождающееся молоканство во многих отношениях живет своим славным прошлым, но богачи и невежды, толстосумы не только не спасут его от разложения, а как раз наоборот – приведут к роковому, губительному исходу». (Стр. 20–21)... «Два всероссийских съезда молокан, поглотившие до 200.000 руб., не принесли пользы ни на грош лишь потому, что современные заправилы-молокане, состоящие в большинстве из богачей, слишком глубоко погрязли в честолубие и фанатизм. Убить такую уйму денег и не сделать ничего нужного, – это в высшей степени непростительно. Подлости, сделанные на съездах, превышают все границы.... Опозорено все молоканство, преклонившееся перед капиталом».... (Стр. 28).

Содержание

протоиерей Сергей Петровский Молокане, или «духовные христиане» священник Сергей Петровский	1
--	---